

УДК 821.161:1(09)

ББК 83.3(2)-004

Ольга Леонидовна Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: betsy98@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-002-5670-2656>

Русская литература в европейском контексте на страницах писем К.А. Губастова К.Н. Леонтьеву

Аннотация. Рассматривается обширный эпистолярный комплекс – 110 писем, адресованных в 1867–1891 гг. дипломатом (впоследствии историком-генеалогом) Константином Аркадьевичем Губастовым (1845–1919) его старшему другу, писателю и мыслителю, в момент начала переписки тоже дипломату Константину Николаевичу Леонтьеву (1831–1891). Отмечается, что переписка имеет большую историческую ценность, но важна и в историко-литературном отношении, поскольку в ней обсуждаются не только произведения Леонтьева, но и философские новинки, и творчество И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого. Рассматривается одна из тем писем К.А. Губастова – тема рецепции русской литературы на Западе. Выделены и прокомментированы фрагменты, в которых автор писем подкрепляет собственные суждения мыслями французских критиков (Э. Шюре, П. Жане и др.) о современных тенденциях в литературе и философии. Найденные им параллели дают необычную подсветку творчеству русских писателей. В силу малоизвестности фигуры автора писем в статье достаточно подробно изложена его биография, прослеженная на фоне истории его дружбы с Леонтьевым.

Ключевые слова: эпистолярный, русская литература, западноевропейская философия, рецепция, исповедальность эпистолярного жанра

Olga Leonidovna Fetisenko

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, leading researcher, Russia, Sankt-Petersburg, e-mail: betsy98@mail.ru

Russian literature in the European context on the pages of K.A. Gubastov letters to K.N. Leontiev

Abstract. The article is written on the basis of a vast epistolary complex: 110 letters from the diplomat, historian and genealogist Konstantin Gubastov (1845–1919) to his close friend, the writer and philosopher, who at the time of the beginning of their communication was also a diplomat – Konstantin Leontiev (1831–1891). This correspondence has great historical value, but is also interesting in a historical-literary sense, since it discusses not only the works of Leontiev (his novels and articles), but also the works of I.S. Turgenev (the novel “Virgin soil”) and L.N. Tolstoy (“The Kreutzer Sonata” and philosophical treatises). Turning to such topics, Gubastov touches upon the issue of the reception of Russian literature in the West, refers to his conversation with Viennese booksellers and notes the emergence of new translations. The author of the letters supports his own judgments with the thoughts of French critics (E. Shuré, P. Janet and others) about contemporary trends in literature and philosophy, and

the parallels that he was able to discover provide an interesting insight into the work of Russian writers. Nowadays, Gubastov is little known, and this required devoting a significant part of the article to an exposition of his biography, traced against the background of the history of his friendship with Leontiev.

Key words: epistolary, Russian literature, Western European philosophy, reception, confessional nature of the epistolary genre

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.129-150

Всем, кто знаком с биографией и наследием писателя и мыслителя К.Н. Леонтьева (1831–1891), памятно и дорого имя его близкого друга и автора воспоминаний о нем, кадрового дипломата, историка и общественного деятеля Константина Аркадьевича Губастова¹ (1845–1919). 26 мая 1888 г. философ писал ему: «...*только вы* (не считая Марьи Влад<имировны> <...>) понимали *меня и мою жизнь* так или хотя приблизительно так, как я сам ее понимал. <...> Вы для меня поэтому незаменимы никем, и когда Вы умрете ..., *не будет на земле ни одного человека, который бы знал меня*» [1, с. 84–85]². В академическом собрании сочинений Леонтьева можно познакомиться со всеми сохранившимися его письмами, адресованные этому драгоценному для него собеседнику, значительная часть которых, пусть и со значительными купюрами и неточностями, впервые была опубликована еще в XIX в. Так сложилось, что Губастова чаще всего и вспоминали лишь в связи с исповедальными письмами Леонтьева к нему³, но долгое время никто не интересовался судьбой адресата этих писем и единственным источником сведений о нем был некролог, написанный В.К. Лукомским⁴. В связи с заметным оживлением интереса к историческим и генеалогическим штудиям исследователи стали упоминать Губастова и вне леонтьевского контекста⁵, а в 2003 г. Р.Г. Красюковым (1935–2008) была издана его обстоятельная

¹ Ударение на первом слоге – вопреки этимологии и историческим корням рода (по преданию, одна из ветвей восходила к некоему Всеволожу-Губастому) – можно поставить с уверенностью, потому что именно такой вариант обнаруживается в письмах к другим лицам, которым Леонтьев хотел сообщить, как правильно вслух именовать К.А. Губастова (см., например: Леонтьев К.Н. Письма 1888–1890 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12, кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. С. 150 [1]).

² Здесь и далее курсив в цитатах передает подчеркивание в автографах. Даты указываются по старому стилю.

³ Примером могут послужить статьи В.В. Розанова «Памяти дорогого друга» (1896 г.) и «Константин Леонтьев и его “попечители”» (1910 г.), а из недавних исследований – монография историка-востоковеда К.А. Жукова (см.: Жуков К.А. Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 227 с. [2]).

⁴ См.: Лукомский В.[К.] К.А. Губастов // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13 [3].

⁵ См., например: Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / публ. В.Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51 [4]; Красюков Р.Г. Константин Аркадьевич Губастов // Из истории Русского генеалогического общества: сб. статей и материалов. СПб.: Изд-во ВИРД, 2001. С. 74–77 [5]; Жуков К.А. Учебное отделение восточных

работа «Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов»⁶. Несколько работ, посвященных различным аспектам деятельности Губастова, было выпущено и автором этой статьи. Но все предпринятое можно назвать лишь первыми подступами к серьезным изысканиям, которых еще ждет целый пласт связанных с Губастовым архивных документов. Поскольку он остается в наши дни полузабытой фигурой, необходимо рассмотреть некоторые факты его биографии.

Константин Аркадьевич родился 24 апреля 1845 г. в тамбовском городке Елатьма (сейчас это поселок в Касимовском районе Рязанской области), где его отец служил окружным начальником. Дворянский род Губастовых можно отнести к разряду захудалых. Сам дипломат-историк признавался: «Ни обстоятельной родословной, ни достоверных сведений о моем роде, несмотря на мои занятия генеалогией, мне не удалось добыть» [9]. В XVI–XVII вв. это были «митрополичьи дворяне» на службе у ростовских владык, в эпоху Петра Великого Губастовы, служившие простыми солдатами, с трудом выбивались в сержанты. Мать будущего дипломата, Юлия Андреевна (урожд. Воеводская), была свояченицей липецкого уездного предводителя дворянства Михаила Ивановича Бартенева, старшего брата известного историка и издателя П.И. Бартенева, с которым позднее Губастов общался и переписывался. По совету М.И. Бартенева Константин был определен во Второй кадетский корпус, где в конце 1830-х учился и сам дядюшка. Из корпуса в 1863 г. он, по собственной просьбе, был выпущен «гражданским чином», однако «готовился ... поступить в Каргопольский Драгунский полк»⁷. Мать хотела видеть сына студентом университета, но тот понимал, что едва ли сможет туда поступить без знания классических языков. Другой вариант подсказал знакомый студент восточного факультета, сообщивший, что при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел существует Учебное отделение восточных языков. Юноша отрекомендовался директору департамента Н.П. Игнатьеву⁸, а затем, после усиленного изучения азов арабского языка и успешно сданного экзамена, был принят на учебу.

В это самое время Леонтьев служил чиновником Азиатского департамента, и это означает, что будущие друзья ходили по одному коридору, не зная друг друга. Уже в декабре 1863 г. Леонтьев отправился секретарем консульства

языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К.А. Губастова) // Россия и арабский мир: Материалы конференции. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 92–93 [6]; Соколов А.С. Генеалогия Романовых как феномен эмигрантской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Сер.: История и политические науки. 2025. № 1. С. 147–156 [7].

⁶ См.: Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / публ. и коммент. Р.Г. Краснокузова. СПб.: Нестор-История, 2003. 196 с. [8].

⁷ См.: Губастов К.А. [Воспоминания] // Рукописный отдел Института русской литературы (далее сокращенно: ИРЛИ). Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 4 об.

⁸ Впоследствии много лет он будет служить под началом Игнатьева в Константинополе.

на Крит, в следующем году был переведен управлять консульством в Адрианополь. А Губастов, завершив образование, 1 января 1866 г. стал студентом (сейчас сказали бы: стажером) посольства в Константинополе, возглавляемого Игнатьевым. Здесь-то в конце декабря 1866 г. или в начале января 1867 г. он и познакомился с Леонтьевым, приехавшим в отпуск на четыре месяца из Адрианополя⁹.

Леонтьева, тогда переживавшего свой жизненный расцвет, сразу расположили к себе «любезность и веселонравие»¹⁰ молодого человека. В то же время ему нужен был не только веселый товарищ, но и чуткий слушатель, готовый часами внимать его рассказам и вдохновенным монологам¹¹, а именно таким и оказался новый приятель. Леонтьев быстро приобрел влияние на своего юного тезку, став для него наставником по всем вопросам, в то время главным образом по отысканию где только можно поэзии жизни.

Возвращение Леонтьева в Адрианополь не прервало их общения. «Тотчас же началась между нами переписка...» – вспоминал Губастов [10, с. 191]¹². Дружба еще больше укрепилась в следующий приезд Константина Николаевича, который произошел летом того же года, перед отправлением Леонтьева вице-консулом в Тульчу, на Нижний Дунай. После этого Губастов сменил Леонтьева в должности секретаря Адрианопольского консульства. С 1869 г. он тоже служил на Дунае, вице-консулом в Виддине (ныне Видин), но Леонтьев в это время

⁹ См.: Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 188 [10]. Здесь указан 1867 г., более раннюю дату Губастов называет в письме к А.А. Александрову от 15 марта 1894 г. (РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 1 [11]).

¹⁰ Эти качества находил в Губастове П.И. Бартенев (см.: Бартенев П.И. Воспоминания / публ. А.Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 59 [12]). Ср.: в более позднем (1878 г.) письме к Леонтьеву драгомана посольства М.К. Ону читаем: «Губастов с его смехом обрадовал меня своим приездом» (см.: Отдел рукописных фондов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198. Л. 17. Далее в тексте используется общепринятая по в более ранних источниках аббревиатура ГЛМ (см.: Ону М.К. Письма К.Н. Леонтьеву // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198 [13]).

¹¹ Как раз в это время начали складываться историософские теории Леонтьева.

¹² Эта переписка, начинавшаяся как «игриво-серьезная» (см.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву 1867–1874 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 53 [14]), хорошо сохранилась, уничтожены были только более интимные письма Леонтьева 1867–1873 гг., правда развернутые выдержки из эпистол этого периода Губастов привел в своих воспоминаниях о друге. Губастов разрешил публикацию писем Леонтьева к нему в журнале «Русское обозрение» (1894–1897 гг.) (см. об этом: Медоваров М.В. Константин Леонтьев и его наследие в журнале «Русское обозрение» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 129–141 [15]), но сам сделал большие купюры в рукописи, дополненные также сильным редакторским вмешательством: многие из упомянутых в письмах (часто неслестно) лиц были еще живы, не стоило предавать печати и фрагменты, посвященные семейным обстоятельствам Леонтьева. Теперь эти послания изданы в полном виде в академическом Полном собрании сочинений и писем Леонтьева, завершено Пушкинским Домом в 2021 г. Ответные 110 писем Губастова хранятся в ГЛМ (Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109–112) и РГАЛИ (Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 45) и будут опубликованы и сопровождаются научным комментарием в шестом томе серии Приложений к Полному собранию сочинений Леонтьева.

был уже далеко оттуда – в албанской Янине. В 1871 г. Губастов вернулся в Петербург, став делопроизводителем в Азиатском департаменте, но уже в следующем году получил назначение вторым секретарем посольства в Константинополе. Здесь он снова встречается с Леонтьевым, вернувшимся с Афона и вскоре вышедшим в отставку: «...он поселился на о. Халки и приезжал в город раза два, три в месяц, останавливаясь у меня» [10, с. 215]. Теперь их общение носит совсем другой характер, ведь Леонтьев пережил религиозное обращение и превратился в настоящего миссионера. В посольстве его даже прозвали «апостолом Константином»¹³.

Однако, несмотря на большую разницу в возрасте (14 лет), Губастов не был в отношениях со своим старшим другом лишь покорно внимающим учеником. Можно было бы привести множество примеров (и с годами таких случаев становилось все больше), когда именно он открывал и приобретал для Леонтьева неизвестные тому книжные и журнальные новинки, знакомство с которыми затем давало плоды в творчестве писателя и мыслителя. Причем это были не только западные источники. (С новейшими образчиками европейской философской мысли Губастов будет знакомить Леонтьева в 1880-е гг., во время своей службы в Вене.) Известно, например, что именно Губастов еще в Константинополе указал Константину Николаевичу на оказавшиеся важными для последнего работы Т.И. Филиппова по греко-болгарскому вопросу¹⁴. На глазах Губастова создавался самый известный труд Леонтьева – книга «Византизм и Славянство», а также его статьи о панславизме, «Афонские письма» и первые главы романа-эпопеи «Одиссей Полихрониадес». Леонтьев любил читать свои новые произведения друзьям, слышать их суждения, и можно предположить, что Губастов тут был несомненно самым первым слушателем. В конце мая 1874 г. они снова расстались: Леонтьев вернулся в Россию, чтобы уладить свои литературные дела и поселиться при монастыре.

4 ноября 1875 г. он писал другу: «От всей души желаю, чтобы Вы не оставляли дипломатии и Востока» [17, с. 387]. В это время Губастов – уже второй секретарь посольства, в Константинополе ему предстояло провести страшное время восстания софт, государственного переворота 1876 г., волнений перед началом русско-турецкой войны¹⁵, наконец, участвовать в спешной эвакуации в апреле 1877 г. Из эпистолярных обращений к Леонтьеву в этот период наиболее интересно письмо от 12 июня 1876 г. с краткой хроникой событий, из которой мы узнаем о том, что в Турции тогда всерьез обсуждалось намерение потребо-

¹³ См.: Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве. С. 233.

¹⁴ См. об этом: Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. Т. 12, кн. 1. С. 293 [16].

¹⁵ См. об этом: Фетисенко О.Л. «Константинопольский маскаралык» 1876–1877 годов в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 444–459 [18].

вать от России «восстановления независимости Кавказа и Крыма», а картина переворота (с поиском «миллионов» султана¹⁶ и с агитацией по кофейням) удивительно напоминала современные цветные революции.

В течение 9 месяцев 1877 г. Губастов «исправлял должность» секретаря миссии в Гааге, в январе–феврале 1878 г. находился в Петербурге, куда в это время приехал и Леонтьев, они на некоторое время поселились вместе в меблированных комнатах на Большой Морской, д. 27. В марте 1878 г. Губастов был назначен временно управляющим генеральным консульством в Константинополе, в 1879–1880 гг. – чиновником особых поручений Министерства иностранных дел при варшавском генерал-губернаторе П.Е. Коцебу. Здесь ему было поручено цензирование «Варшавского дневника». Именно Губастов пригласил Леонтьева в Варшаву в помощники новому редактору газеты, князю Н.Н. Голицыну. Этот краткий период был одним из самых счастливых и в жизни, и в литературной судьбе писателя. С назначением нового генерал-губернатора Губастов был отозван со своей должности, но в октябре 1881 г. получил завидный пост: был назначен консулом (до 1885 г.), а затем и генеральным консулом в Вене. Венские письма Губастова к Леонтьеву наиболее насыщены литературно-философскими сюжетами. Видно, что он следил за всеми литературными и философскими новинками, был завсегдатаем книжных магазинов. Всегда легко сходящийся с людьми, он сблизился и с русской колонией, и с университетскими профессорами (теснее всего со славянином и славистом В. Ягичем). Из Вены осенью 1891 г. он приехал в отпуск в Россию и в Сергиевом Посаде последний раз виделся с Леонтьевым (тогда уже монахом в тайном постриге), после чего начал в Петербурге выполнять его литературные поручения, но не успел получить ответа на свое письмо с рассказом об этом. 12 ноября монах Климент скончался.

В 1896 г. Губастов получил повышение: назначение вице-директором Азиатского департамента, но, поскольку возражал против взятого руководством Министерства курса на союз с Китаем, был в июле 1897 г. с этой должности переведен в почетную ссылку – министром-резидентом сначала при князе Черногорском Николае (1897–1900), затем при папе римском (1900–1904). С марта 1904 г. он – чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Сербском. Сам Губастов никогда не напрашивался ни на какие посты, не слишком заботился о своей карьере, принимал то, что предложат, крайне редко отказываясь от явно неподходящих предложений (вроде должности дипломатического агента в Тифлисе). Характеризуя Губастова как дипломата, современный историк отмечает: «...это был человек глубоких знаний, незаурядных способностей, умевший ясно выразить свою точку зрения, невзирая на то, что она могла быть приятна не всем высокопоставленным лицам» [4, с. 36].

¹⁶ Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 17 [19].

Вершиной его карьеры стало назначение в 1906 г. товарищем министра иностранных дел¹⁷. Но в этой должности он пробыл недолго: в январе 1908 г. вышел в отставку по прошению на Высочайшее имя – «по домашним обстоятельствам», на самом же деле из-за несочувствия ведению внешней политики и нежелания участвовать в государственном управлении. Он словно предчувствовал близость гибели Империи, что после Цусимы и революции 1905 г. было и нетрудно.

Разнообразные дарования Константина Аркадьевича находили приложение далеко не только в служебной деятельности. Его страстью были генеалогические разыскания¹⁸ и нумизматика. Губастов был одним из инициаторов «Русского биографического словаря», участвовал в подготовке второго издания «Русской родословной книги» князя А.Б. Лобанова-Ростовского, в 1897 г. стал одним из основателей и разработчиков устава Русского генеалогического общества (в 1906–1914 гг. сменил графа С.Д. Шереметева на посту товарища председателя этого общества). В 1908 г. он стал членом Русского исторического общества, а в 1910–1914 гг. и его казначеем. Кроме того, он был членом Историко-родословного общества в Москве, Императорских Русского Военно-исторического и Русского Археологического обществ, Тамбовской ученой архивной комиссии, действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III и членом-корреспондентом Императорского Общества любителей древней письменности.

Его статьи печатались в «Известиях Русского генеалогического общества», «Записках Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества», «Летописи Историко-родословного общества», а также в «Новом времени». 1895–1908 годами датирован упомянутый выше главный его исторический труд «Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов».

Выход в отставку дал Губастову больше досуга, и в декабре 1908 г. им был собран кружок памяти Леонтьева. Первым приглашенным оказался Б.В. Никольский, с которым Губастов познакомился через его тестя С.Н. Шубинского еще в 1890-х гг. Кружок, в который к 1911 г. входило около 20 человек, не имел устава, не собирал членских взносов, заседания были не официальными, причем Губастов шутил: «... в Петербурге нет *ничего* труднее как собрать несколько лиц вместе. Всегда найдется у каждого какая-нибудь помеха» [20, с. 258]¹⁹. Были в кружке люди, знавшие Леонтьева лично (сам устроитель, А.А. Александров,

¹⁷ Министром тогда стал А.П. Извольский, в прошлом стажировавшийся у Губастова в константинопольском консульстве.

¹⁸ Это нашло отражение и в его воспоминаниях: емкие биографические справки, указания на переплетения родов, даты жизни (порой с точностью до дня) и т.п.

¹⁹ Упоминания о сотрудничестве с Губастовым имеются в дневнике Никольского (см., например: Никольский Б.В. Дневник: в 2 т. / изд. подгот. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. Т. 2: 1904–1918. С. 91 [21].

А.Н. Волжин, Ю.Н. Карцов, Е.Н. Погожев, писавший под псевдонимом «Евгений Поселянин», В.В. Розанов, С.Т. Филиппов, сын Т.И. Филиппова), и те, кто был привлечен книгами «русского византийца» (Б.В. Никольский, П.П. Перцов, Н.О. Лернер, А.М. Коноплянцев), петербуржцы и москвичи, убежденные монархисты и люди либеральных взглядов, «люди 20-го числа» (цензор А.А. Сидоров, чиновник Государственного контроля А.И. Маликов) и художники и поэты (В.В. Бородаевский). Подумывали об издании третьего тома сборника статей Леонтьева «Восток, Россия и Славянство» и целого собрания сочинений, но не встретили поддержки в Академии наук, куда обращались за помощью²⁰. Однако один замысел удался и стал достойным приношением к леонтьевскому юбилейному году²¹: выпущенный на пожертвования участников кружка «литературный сборник» «Памяти Константина Николаевича Леонтьева», изданный тиражом 2000 экземпляров в одной из лучших типографий Петербурга («Сириус»)²².

Мемуарный очерк Губастова о Леонтьеве с включением нескольких писем последнего является одним из украшений этого сборника. Губастов писал о своей дружбе с Леонтьевым: «Я ... знал его очень близко, любил его по-родственному, и он посвящал меня во все почти свои личные дела и тайны» [10, с. 225]. Но именно эта посвященность, считал он, и мешала дать читателю «духовный портрет» Леонтьева «в натуральную величину»²³, в очерке присутствует какая-то недосказанность.

Во второй половине 1910-х гг. Губастов писал воспоминания «за 40 лет дипломатической службы»²⁴, которые должны были выйти в издательстве «Огни», возглавляемом Е.А. Ляцким. Книга осталась незавершенной (последние по времени примечания и записи на полях относятся к 1918–1919 гг., а скончался Губастов 4 февраля 1919 г. в Царском (тогда – Детском) Селе). Рукопись и авторизованная машинопись хранятся в ИРЛИ в фонде издательства «Огни» (ф. 212, ед. хр. 17 и 18). В виде машинописи с авторской правкой представлена первая часть книги – семь больших глав, повествование в которых доведено до весны 1879 г.; вторая часть (рукопись в переплетенной тетради и отдельные листы машинописи) охватывает три периода – «Варшава и Вена» и «Азиатский департамент». Предполагалось, несомненно, и продолжение.

²⁰ См.: Письма К.А. Губастова к Б.В. Никольскому (1898, 1908–1911) / публ. О.Л. Фетисенко // Христианство и русская литература / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 264–265.

²¹ В 1911 г. исполнялось 80 лет со дня рождения и 20 лет со дня смерти Леонтьева.

²² См. об этом подробнее: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. С. 735–739 [22]; Фетисенко О.Л. К истории сборника «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (1911): несостоявшиеся авторы // Два века русской классики. 2024. № 1. С. 194–209 [23].

²³ См.: Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве. С. 224–225.

²⁴ Не ясно – название ли это (как полагал Р.Г. Красюков, с текстом мемуаров не знакомившийся) или, скорее, определение тематики; подобного заглавия в сохранившихся текстах нет, оно встречается в некрологе именно в том виде, как мы его и приводим (со строчной буквы).

Мемуары Губастова отличает взвешенность оценок и дотошность: постоянное подкрепление своих суждений ссылками на доступные ему русские и европейские источники (включая архивы посольств) или, напротив, опровержение пристрастных авторов воспоминаний (прежде всего, Ю.С. Карцова и барона А.Е. Врангеля). О себе и вообще о «частной жизни» мемуарист говорит крайне мало, но оставляет яркие запоминающиеся портреты своих современников разных поколений – от дипломатов еще несельеродевской школы до современных дипломатов-«чиновников», непременно прослеживая хоть несколькими штрихами весь их жизненный путь²⁵. Здесь имеется множество неизвестных из других источников сведений о крупных и второстепенных фигурах русской дипломатии, о зарубежных коллегах, о среде, окружавшей посольский персонал, дается анализ важнейших внешнеполитических событий, часты исторические экскурсы, объясняющие причины, приведшие к этим событиям.

В Пушкинском Доме имеется и небольшой личный архивный фонд Губастова (ф. 463, насчитывающий всего 47 единиц хранения) – это та самая коллекция писем, о которой говорит В.К. Лукомский в некрологе Губастову как о подаренной ему [3]. Среди корреспондентов, представленных в этой коллекции, – И.К. Айвазовский, князь Н.Н. Голицын, Б.М. Маркевич, А.И. Нелидов, барон Ф.Р. Остен-Сакен (дипломат и один из видных деятелей Императорского Географического общества), протоиерей М.Ф. Раевский, граф С.Д. Шереметев. Но это, конечно, далеко не все, что осталось от архива Губастова в широком смысле слова. Для историков особый интерес может представить его переписка с А.П. Барсуковым, по счастью сохранившаяся за некоторые годы как двусторонняя (РГБ), письма графу Н.П. Игнатьеву (ГАРФ), М.А. Хитрово и К.А. Скальковскому (ИРЛИ), А.С. Суворину (РГАЛИ)²⁶. Но поистине уникальный комплекс – это упомянутые выше 110 писем Леонтьеву за 1867–1891 гг. Это и дружеская переписка, и хроника дипломатической жизни. Письма содержат остроумные характеристики сослуживцев, политические наблюдения, цитаты из выходивших в Константинополе газет на разных языках, в том числе с упоминаниями о Леонтьеве.

Для литературоведов и историков философии большую ценность представляют отзывы о И.С. Тургеневе, Л.Н. Толстом, Вл.С. Соловьеве²⁷, Э. Ренане, М. Нор-

²⁵ Один из примеров (литературный портрет М.А. Хитрово – мужа С.П. Хитрово, «музы» Вл.С. Соловьева). См.: Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 137–141 [24].

²⁶ Ряд этих материалов включен в готовящийся к изданию посвященный Губастову том Приложений к академическому собранию сочинений Леонтьева.

²⁷ Начиная с бытовой зарисовки (рассказа о петербургской барыне, которая после одной из лекций Соловьева о Богочеловечестве говорит молодому знакомому: «...ах, этот Соловьев очень хорошо читает, жаль, что я его мало понимаю. Я хочу его пригласить обедать. Как Вы думаете, можно?» [19, л. 48 об.]) и заканчивая рассуждениями об ожидаемом переходе Соловьева в католичество.

дау. Отдельный сюжет переписки составляют попытки Губастова популяризировать имя Леонтьева в Европе – его переписка с виконтом Э.-М. де Вогюз²⁸ в тщетном ожидании рецензии на сборник «Восток, Россия и Славянство»²⁹ или «пропаганда» леонтьевских трудов в кругу венских славистов.

Разумеется, обсуждались в письмах повести, публицистика и критические труды Леонтьева, в том числе получившая впоследствии большую известность статья (фактически книга) о романах Толстого («Анализ, стиль и веяние»). Но этот сюжет, важный главным образом для леонтьеведения, оставим в стороне и обратимся к четко выделяющимся в корреспонденции другим тематическим линиям: отзывам о новейших произведениях писателей, которых потом назовут классиками, и размышлениям о восприятии русской литературы на Западе. Важнейшим именем, наиболее часто упоминаемым автором писем, является, разумеется, Л.Н. Толстой.

14 мая 1885 г. Губастов пишет из Вены: «Читали ли Вы последнее религиозное творение Гр<афа> Льва Толстого? Мне оно попало в немецком переводе: “In was besteht mein Glaube”. Он договаривается в нем до последней чепухи и нелепости, далее которой нельзя идти. Как друзья его не остановили печатать подобный сумбур? Жаль, что книга эта запрещена в России, и потому нельзя Вам или кому-нибудь из знающих, понимающих и любящих Православное Христианство образумить Графа Толстого и навести его на путь истинный» [19, л. 85]³⁰. Речь здесь идет о трактате «В чем моя вера?» (1882–1884 гг.), изданном в январе 1885 г. в Лейпциге (*Tolstoi Leo. Worin besteht mein Glaube? Aus dem russischen Manuskript übersetzt von Sophie Behr. Leipzig: Duncker und Humblot, 1885*). В России сочинение было запрещено сразу после публикации в 1884 г. отдельным изданием (тиражом 50 экземпляров). Леонтьев разговор не подхватил, он тогда был занят подготовкой второго тома своего «избранного» двухтомного собрания статей «Восток, Россия и Славянство». «Образумить» Толстого он будет пытаться устно – при их последней встрече в Оптиной пустыни в феврале 1890 г.³¹

Отголосок впечатлений от трактатов Толстого прозвучит в письме от 14 февраля 1887 г., когда Губастов будет советовать: «Шествуйте по примеру Гёте, а не Гр<афа> Льва Толстого, и не увлекайтесь разрешением вопросов, подобных: “Что теперь делать?”, “Что же наконец надобно” и т.п. Все эти вопросы решатся временем и ежедневно складывающимися событиями, которых ни один философ-социолог не направит, а потому писать на эти темы неблагоприятно» [19, л. 104]. Неприязнь к Толстому-моралисту звучит и в письме от 15 июля

²⁸ Все трое были друзьями в Константинополе в 1872–1874 гг. (Вогюз был тогда секретарем французского посольства).

²⁹ См. об этом: Фетисенко О.Л. «Нужно только выждать время»: К.Н. Леонтьев и Э.-М. де Вогюз // Русская литература. 2021. № 2. С. 87–92 [25].

³⁰ Название немецкого перевода воспроизведено неточно.

³¹ См.: Леонтьев К.Н. Письма 1888–1890 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. С. 418–419.

1889 г.: «Странная судьба великих современных русских умов – один увлекается Католическою идеею³², другой (Гр<аф> Толстой) сводит всё Христианство к самоотвержению, к “непротивлению злу”, полагая, что на этом можно построить жизнь полутора миллиардов людей, грызущихся не на живот, а на смерть между собою сотни, тысячи лет, если не все миллионы веков» [26].

Советуя эпистолярно возобновить знакомство с Вогиюэ, в июньском письме 1885 г. Губастов вспоминал его на шумевшую статью о Толстом³³ и ее последствия для европейского книжного рынка: «Vogüé, один из немногих писателей, который, если захочет, то в состоянии познакомить Францию, а через нее и всю Европу с Вашими оригинальными воззрениями. Он это уже доказал своею статьею о Гр<афе> Льве Толстом, которого едва знали в Европе полгода тому назад, а теперь, мне говорили венские книгопродавцы, только и раскупаются, что переводы “Войны и Мира” и “Анны Карениной” (прочие сочинения Гр<афа> Толстого тоже переводятся взапуски)» [19, л. 88 об.–89].

Действительно, в Берлине в 1885 г. были изданы первые переводы обоих романов на немецкий язык. Роман «Война и мир» в переводе Эрнста Штрэнге (бывшего домашнего учителя детей Толстого) вышел в четырех томах в издательстве А. Дойбнера (Berlin, 1885–1886)³⁴. Тогда же это издательство, основанное в 1882 г. специально для распространения русской литературы в Германии, выпустило и перевод повести «Казаки». «Анну Каренину» перевел В.-П. Графф (Berlin: Verlag Wilhelmi).

Закономерным образом новое обращение к толстовской теме появляется в переписке после прочтения «Крейцеровой сонаты», к которой закоренелый холостяк Губастов отнесся благосклоннее, чем к ранее прочтенным трактатам. 25 июля 1890 г. он вызывал друга на разговор о повести:

«Скажите мне Ваше мнение о “Крейцеровой Сонате”. В Европе критика отнеслась к ней неблагоприятно, даже с глумлением. Я же готов превозносить Толстого за основную идею “Сонаты” и сожалею лишь, что в ней встречаются грубые и цинические выражения.

Здесь небольшой круг русских продолжает неистово спорить по поводу “Сонаты”. Мне очень хочется знать мнение такого глубокого и тонкого ценителя (как художника, так и моралиста) – как Вы, мой дорогой» [26, л. 33 об.–34].

Однако оказалось, что Леонтьев в тот момент еще не был знаком с этим произведением. Он ответит, что о повести «слышал», а из дальнейших слов можно понять, что не будет спешить ее прочесть: «...Толстой надоел мне своей дурацкой “чистой” моралью» [1, с. 495] («чистой» здесь означает: автономной, исключаяющей происхождение нравственных идей от Бога-Творца).

³² Подразумевается Вл. Соловьев.

³³ Vogüé E.-M., de. Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // Revue des deux Mondes. 1884. 15 Jul. P. 264–301 [27].

³⁴ В 1958 г. деятельность издательства возобновилась в Кельне.

11 августа Губастов передавал отзыв Вогюэ о том, что «среди французской молодежи» философия Толстого пользуется «наибольшим уважением». «Очень странно. Не правда ли?» – комментировал он это известие [26, л. 37]. А в письме от 29 ноября последовал рассказ о завоевании графом «венской публики»:

«Der Graf Leo Tolstoy beherrscht den ganzen Markt»³⁵, – сказал мне недавно Герольд³⁶, здешний крупный книгопродавец. Такой успех (с точки зрения коммерческой) имел разве только в последнее время Зола. Венская публика сравнительно читает немного, но и то Герольд уверяет – он не напасется достаточным запасом сочинений Толстого, чтобы удовлетворить всем требованиям. “Ein kolossaler Erfolg”³⁷ Куда не придешь всё только слышишь Tolstoy и видишь на столе того же Толстого. Среднюю немецкую публику он скорее пугает – как содержанием, так и формой, особенно цинизмом некоторых выражений (“Крейцерова Соната”, “Какова моя жизнь”³⁸), но философия Толстого нравится немцам» [26, л. 38 об.].

Эти живые отклики со ссылкой на конкретных лиц не потеряются в хорошо изученной панораме европейских отзывов о Толстом.

Имена Толстого и Тургенева объединяются в письме от 30 июля 1885 г., когда Губастов, преподавая совет делать уступки духу времени, припоминал литературный анекдот, почерпнутый из журнала «Русская старина»:

«Тургенев рассказывал³⁹, что когда “Война и Мир” был переведен на франц<узский> язык, то он взял у переводчицы (кн<ягини> Паскевич) 20 экзempl<яров> и развез их сам в Париже литературным знаменитостям (Dumas, Flaubert, De Camp, Taine, Zola и т. д.). Через месяц или два он опять совершил une tournée⁴⁰, чтобы собрать мнения о романе Толстого, и что же, восклицает Тургенев, кроме Тэна никто даже не собрался и прочитывать роман, и корифеи откровенно сказали ему, mais, mon cher Tourguéneff, comment voulez vous que nous employons notre temps à lire un roman en 4 volumes. C’est un anachronisme, le roman doit être lu en une matinée, ou en chemin de fer entre deux stations⁴¹. Ну вот и рассуждайте!» [19, л. 95–95 об.].

³⁵ Граф Лев Толстой владеет всем рынком (нем.).

³⁶ Фридрих Герольд младший (1842–1912) – венский книготорговец и книгоиздатель, владелец магазина на Штефенсплатц, размещавшегося там с 1877 г.; сын Фридриха Герольда старшего (1813–1886), младшего сына книготорговца и книгоиздателя Карла Герольда (1783–1854); правнук Йозефа Герольда (1750–1801), основавшего свое издательство в 1775 г.; в семейное дело был введен после кончины своего дяди Морица (1815–1884); совладельцем фирмы «Герольд и К^о» был с этого времени Герман Манц.

³⁷ Колоссальный успех! (нем.).

³⁸ В 1888 г. в Женеве М.К. Эллидин издал под таким названием трактат Толстого «Что же нам делать»; в 1889 г. вышло второе издание.

³⁹ Рус<ская> Старина. 1884. Не помню №. [Примеч. Губастова.]

⁴⁰ Здесь: объезд по кругу (фр.).

⁴¹ Но, мой дорогой Тургенев, как Вы хотите, чтобы мы занимали наше время чтением романа в четырех томах? Это анахронизм, роман должен читаться за одно утро, между двумя станциями железной дороги (фр.).

Губастов вспоминает прочтенную в «Русской старине» (не за 1884 г., как ему запомнилось, а за 1883 г.) запись рассказа Тургенева, сделанную издателем журнала, М.И. Семевским⁴². Упомянутый здесь перевод «Войны и мира» вышел в 1879 г. небольшим тиражом. Переводчицей романа Толстого выступила княгиня И.И. Паскевич. В «Русской старине» ее имя не было названо (значит, корреспондент Леонтьева был осведомлен об этом из других источников), из французских писателей (у Губастова перечислены по памяти А. Дюма-сын, Г. Флобер, М. дю Кан, И. Тэн и Э. Золя) в записи Семевского указаны только Флобер и Тэн. Леонтьев, разумеется, совету приспособляться к новейшим вкусам и писать модные романы-фельетоны не последовал. Конечно, автор письма мог предвидеть это заранее, потому что в других случаях сам неоднократно сетовал на упадок интереса современных людей к серьезному чтению. Да и слишком хорошо он знал своего друга, чтобы всерьез преподносить ему подобные советы.

Что касается Тургенева, его имя появляется в письмах Губастова значительно раньше, чем имя автора «Войны и мира», хотя, что любопытно, именно синхронно появлению этого романа. 16 мая 1867 г. молодой дипломат сообщал: «Вы знаете, что Тургенев написал новый роман “Дым”, который будет помещен в Рус<ском> Вестн<ике> (за 5000 будто его купил Катков!)» [14, л. 12 об.]⁴³. Губастов, конечно, знал от Леонтьева историю его знакомства с Тургеневым, был осведомлен о покровительстве, оказываемом начинающему писателю последним, а также об их размолвке в начале 1860-х гг. Важно здесь и упоминание о Каткове: как раз тогда Леонтьев начал помещать в «Русском вестнике» свои «восточные повести». Роман «Дым» ему не понравился, но этот вопрос не относится к предмету нашего исследования.

Через десять лет, в письме от 9 марта 1877 г., Губастов сопоставляет свои впечатления от романа «Новь» с только что прочтенной статьей писателя, философа и музыковеда, уроженца Эльзаса Эдуарда Шюре (1841–1929) «Творчество Шелли, английского поэта-пантеиста»⁴⁴ и приводит с небольшими пропусками фрагмент из нее, который, конечно, вспомнился ему неслучайно, а именно в связи с последним тургеневским произведением:

⁴² [Семевский М.И.] Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. // Русская старина. 1883. Т. XL, Окт. С. 210–211 [28].

⁴³ Катков заплатил за рукопись «Дыма» высочайшую плату, и слухи об этом волновали общество, и, конечно, особенно литераторов. Так, И.И. Лажечников сетовал в письме к Ф.А. Кони от 18 апреля 1867 г.: «Конечно, я не писатель первой величины, но тем платят по 500 руб. за лист, как заплатил Катков Тургеневу за “Дым”, да еще сверх того автор получил с книгопродавцев за право печатания повести значительную сумму денег, что составит за повесть в 10 листов чуть не тысяч 6» (см.: Из портфеля старого журналиста. Письма И.И. Лажечникова к Ф.А. Кони / сообщ. А.Ф. Кони // Русский архив. 1912. Кн. 9. С. 145 [29]). Как видим, Губастов, и находясь на Босфоре, был в курсе происходящего в русской словесности.

⁴⁴ Shuré E. L'oeuvre de Schelley, poète Panthéiste de l'Angleterre // Revue des deux Mondes. 15 Févr. P. 745–779 [30].

«Автор, между прочим, говорит: “La théorie esthétique dominante de nos jours consiste à dire que l’art est le reflet de la société et l’artiste le fruit d’un milieu donné. Conformément à cette théorie, l’artiste ou le poète d’aujourd’hui se croit obligé d’être la photographie des misères, des sottises et des caricatures du présent. Il n’est pas de niaiserie, pas de turpitude qu’on ne s’ingénie à imiter et à encaiser; il n’est pas de *champignon malsain au vénéreux poussant sur les funges de la civilisation*, qui, soigneusement cueilli et disséqué à la loupe par ces anatomistes, ne leur procure un sourire de curiosité et de satisfaction”⁴⁵ и т. д. – Вот с какой точки зрения я осуждаю Тургенева, зачем он пустился в собирание наших росейских грибов? Quelle est donc l’incompréhensible fascination qui entraîne les auteurs d’aujourd’hui vers les milieux interlopes; on dirait, à voir l’empressement avec lequel la lumière est portée dans tous les bas – fonds de la société, que la vie honnête, la vie du mines – n’a plus de *dramas*?⁴⁶ – продолжает далее тот же умный француз» [19, л. 27].

Отнеся Тургенева – автора «Нови» – к разряду приверженцев натурализма, Губастов, однако, продолжает более комплиментарно, находит, что современные события в романе отражены верно, а в одном из героев даже находит сходство с их с Леонтьевым сослуживцем:

«Осудив Тургенева за выбор лиц и среды, я прибавлю, что, по моему мнению, воспроизвел он и то и другое мастерски – верно, без утрировки (кроме Фомушки и Фимушки) и картинно. Дидактические поучения в конце (в устах Паклина) – метки. Не могу я ему простить только упоминания о глистах⁴⁷. Об этом поэту абсолютно не следует говорить в романе, и в печати только допускается в медицинских сочинениях. Разве Каломейцев – не Александр Жадовский (вестовой)?⁴⁸ А Сипягины –

⁴⁵ «Господствующая в наши дни эстетическая теория гласит, что искусство – это отражение общества и художник – плод данной среды. В соответствии с этой теорией, нынешний художник или поэт считает себя обязанным быть фотографией страданий, глупостей и карикатур современности. Нет глупости, нет пошлости, которой мы не стремимся подражать и принимать; нет такого нездорового, *ядовитого шампиньона, растущего среди грибов цивилизации*, который, тщательно собранный и препарированный при помощи лупы этими анатомами, не вызывал бы у них улыбки любопытства и удовлетворения» (*фр.*). Курсив принадлежит Губастову. Цитата приведена в письме с небольшим сокращением; ср.: [30, р. 746].

⁴⁶ «Что за непостижимое одушевление влечет сегодняшних авторов к преступным кругам? Можно сказать, видя рвение, с каким свет доносится до всех низов общества: разве честная жизнь, жизнь рудников более не имеет драм?» (*фр.*) [30, р. 746].

⁴⁷ В главе XIX романа «Новь» описывается альбом, доставшийся Фомушке и Фимушке Субочевым от некой *m-me Barbe de Kabuline*. «На последней странице альбома стояли – вместо стихов – рецепты от желудка, спазмов и – увы! – даже от глистов» (см.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. С. 240 [31]).

⁴⁸ Наиболее отрицательный персонаж тургеневского романа – Семен Петрович Каломейцев, петербургский чиновник, мнящий себя принадлежащим к высшему свету, а между тем происходивший «от простых огородников» (настоящая фамилия его предков: Коломенцевы). Говорил он преимущественно по-французски, убеждений придерживался ультраконсервативных и подчеркивал свою церковность (как он ее понимал). Губастову этот герой напомнил Александра Всеволодовича Жадовского (ок. 1833 – не ранее 1896), выпускника Александровского лицея, которого сослуживцы прозвали «вестовым» (солдатом, посылаемым с донесениями (вестями) к начальству).

как живо и верно схвачены? Наконец Маркеловская история – разве это не демонстрация 6 дек<абря> перед Казанским собором?⁴⁹ Марианна и Нежданов, желающие “опроститься” – разве не напоминают эту жидовку (кажется, Шефель?)⁵⁰, зашедшую в Казанский собор “посмотреть, как молятся Православные”, и мечтавшую дать русскому народу “Землю и волю”? Разве вся политическая демонстрация 6 дек<абря> не сделана была акушерками, поповичами, студентами и прочими> по приказанию “Василия Николаевича”? А русский народ, бивший, ввязавший и помогавший полиции 6 декабря, разве не так же разделался с Маркеловым? Вот почему я говорю, что Тургенев, раз путившись собирать грибы (чего он мог бы, конечно, и не делать, и даже во сто крат лучше было бы не заниматься этим) – сварил, однако, грибное блюдо очень хорошее, и я вкушал его с удовольствием, – хотя предпочел бы, разумеется, одинакового достоинства блюдо без грибов, приготовленное руками этого искусного повара» [19, л. 27–27 об.].

Далее в том же письме с тургеневскими «Записками охотника» сравниваются «прелестные рассказы»⁵¹ Захер Мазоха, опубликованные в *Revue des deux Mondes*, и по поводу корреспонденций русских газет опять к месту припоминается «Новь»: «Полюбуйтесь корреспонденциями, которые печатаются в наших газетах. Что это такое – бред пьяного корреспондента или содержание акта фантастической оперы, или мистификация и насмешка корреспондента над Редакцией (газ<ета> «Новости»)? Во всяком случае как же не сказать с Тургеневым про соотечественников наших: “о недомыслие!”» [19, л. 30 об.]⁵².

Как уже было сказано, Губастов неоднократно дарил Леонтьеву книги или приобретал их для него. Делал и выписки из любимого парижского журнала. Цитата из статьи Шюре – не единственная в своем роде. Так, в письме от 30 мая 1885 г. приведен фрагмент из статьи Поля Жане «Завещание одной философии»⁵³, которая, как полагал Губастов, могла пригодиться Леонтьеву в его «неустанной

⁴⁹ Один из героев «Нови», Сергей Михайлович Маркелов, шурин Сипягина, – революционер, пытавшийся поднять крестьян на восстание, но избитый ими и сданный властям. Губастов сравнивает его историю с демонстрацией 6 декабря 1876 г., к которой студенты-народники привлекли участников рабочих кружков (считается первой политической демонстрацией в России). Сопоставление основано на том, что в Петербурге задержать демонстрантов полиции активно помогли дворники и простые горожане, т. е. представители народа.

⁵⁰ Имеется в виду Фелиция (Фейга) Исааковна Шефель (в замуж. Белявская; ок. 1860 – не ранее конца 1890-х), участница демонстрации 6 декабря 1876 г., сосланная в Сибирь и в 1882 г. бежавшая за границу.

⁵¹ См.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 29 об.

⁵² Отсылка к монологу Паклина в главе XXXVIII «Нови»: «...ведь мы, русские, какой народ? Мы всё ждем: вот, мол, придет что-нибудь или кто-нибудь – и разом нас излечит, все наши раны заживит. <...> Кто будет этот чародей? Дарвинизм? Деревня? Архип Перепентьев? Заграничная война? Что угодно! <...> Это всё – леность, вялость, недомыслие!» [31, с. 385].

⁵³ Janet P. Le Testament d'un philosophe: M. Vacherot et le nouveau spiritualisme // *Revue des deux Mondes*. 1885. 1 Juin. P. 550–583 [32]. Поль Александр Рене Жане (1823–1899) – французский философ, публицист, профессор Сорбонны (с 1862 г.). С небольшими сокращениями (ср.: [32, р. 582–583]) цитируется его развернутый отклик на книгу Этьена Вашро *Le nouveau spiritualisme* («Новый спиритуализм», Paris, 1884).

борьбе» и «проповеди ... против прогресса»⁵⁴. Собственно, эта выписка занимает собой почти все письмо:

«Дорогой Константин Николаевич,

Вот что пишет Paul Janet в последней книжке "Revue" (1 июня):

"L'idée de Dieu est aujourd'hui soumise à un assaut formidable, tel qu'on n'en a jamais vu dans l'histoire, parce que l'esprit humain et les sociétés humaines n'ont jamais joui d'une telle liberté. De là à croire que cette idée ira toujours en s'affaiblissant et finira par s'éteindre un jour tout à fait, il n'y a qu'un pas. C'est cependant, selon nous, une radieriale erreur. L'idée de Dieu, pendant des siècles, a été le patrimoine du pauvres, des humbles, du ignorans; c'étaient les gens d'esprit qui, par haine de la superstition, devenaient athées. Dès qu'on s'est aperçu qu'il y avait là une sorte d'aristocratie, et que c'était sortir du commun que de cesser de croire en Dieu, tout le monde a voulu être athée, comme tout le monde veut être bachelier. On ne peut dire jusqu'où ira ce mouvement de négation, mais il aura inévitablement son mouvement de retour. Ceux qui dans une société croyante étaient athées redeviendront théistes dans une société athée: ils recueilleront la succession des idées religieuses. Ils comprendront quelle plate philosophie, quelle plate société, quelle science plate inutile que celle qui n'a pas d'étoile. De même qui de les beaux-arts, la foule des naturalites encombrera les exposition vulgaires, tandis que quelques natures distinguées et hautes persisteront à garder le feu sacré des grand art; de même, tandis que la faule servile se précipitera vers le positivisme, le matérialisme, les penseurs élevés reviendront de la science à la métaphysique, et de la métaphysique à la philosophie divine, qui est la source de tout. Ce seront alors les gens d'esprit qui croiront en Dieu: mais le même loi d'imitation qui a faite descendre l'athéisme dans le foules y fera descendre également les idées religieuses épurées. C'est pourquoi nous ne craignons pas la liberté de penser. Nous désirons qu'elle épuise le plus tôt possible toute sa fougue, et qu'elle se dévore elle-même pour retourner à son principe sans lequel elle n'est rien"⁵⁵.

⁵⁴ См.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 87 об.

⁵⁵ Идея Бога сегодня подчинена огромной силе, подобной которой никогда не было в истории, потому что человеческий дух и человеческие общества никогда не пользовались такой свободой. Остался всего один шаг до того, чтобы поверить в то, что эта идея всегда будет ослабевать и однажды вообще исчезнет. Однако, на наш взгляд, это серьезная ошибка. Идея Бога на протяжении веков была достоянием бедных, смиренных, невежественных; были умные люди, которые из ненависти к суевериям стали атеистами. Как только поняли, что в этом есть своего рода аристократизм и что перестать верить в Бога – это что-то из ряда вон выходящее, все захотели быть атеистами, так же как каждый хочет быть выпускником школы. Мы не можем сказать, как далеко пойдет это движение отрицания, но оно неизбежно будет иметь свое обратное движение. Те, кто в верующем обществе были атеистами, в атеистическом обществе снова станут теистами: они будут воссоздавать преемственность религиозных идей. Они поймут: что это за плоская философия, что за плоское общество, что за плоская бесполезная наука, у которой нет звезды. Точно так же, как и в изящных искусствах, толпа натуралистов будет загромождать пошлые выставки, в то время как несколько благородных и высоких натур будут упорно охранять священный огонь великого искусства; точно так же, в то время как рабские пороки устремятся к позитивизму, материализму, возвышенные мыслители вернутся от науки к метафизике, а от метафизики к божественной философии, которая является источником всего. Тогда умные люди будут верить в Бога; но тот же закон подражания, который принес атеизм в толпу, принесет туда и чистые религиозные идеи. Вот почему мы не боимся свободы мысли. Мы хотим, чтобы она как можно скорее исчерпала весь свой

Хотя это не совсем православно, но очень метко и картинно представлено» [19, л. 86–87].

В статьях Леонтьева ссылок на эту или другие работы П. Жане не встречается, но можно предположить, что присланный фрагмент присоединился к его собственным наблюдениям (по книгам) о «возвратном движении» к религии в современном европейском обществе (мысли об этом звучат в его письмах и статьях последних лет). В постскриптуме к своему письму Губастов рекомендовал Леонтьеву еще одну статью из «Revue des deux Mondes» – «Разочарования либерализма» Анатоля Леруа-Больё (1842–1912) из цикла «Политические и религиозные этюды»⁵⁶. При этом прослеживалась переключка ее с леонтьевскими теориями. Таким образом, труды своего друга Губастов прямо вписывал в актуальный европейский контекст:

«Очень рекомендую Вам другую статью в Revue (15 мая) Leroy-Beaulieu – “Les mécomptes du libéralisme”.

Некоторые страницы – точно писаны под Вашу диктовку. Великий Вы предвещатель!.. Рекомендуйте эту статью молодежи. Очень им будет полезна» [19, л. 87 об.]⁵⁷.

В статье Леруа-Больё, которого историки философии обычно вспоминают в связи не с Леонтьевым, а с Вл. Соловьевым, действительно можно найти мысли, сходные с леонтьевскими (из статьи «Чем и как либерализм наш вреден?» (1880 г.) и других его работ). Это суждения о наивности упований либерализма только на разум и на «писанный закон», о желании либералов переделать весь мир по своим лекалам, о том, что «демократическое избрание» не означает отбор лучших. Первую причину «разочарований» либерализма автор видел в невозможности подчинить «сложный и подвижный мир политики абсолютным выводам абстрактного разума»⁵⁸. Жизнь показала, что «в массах потребность в свободе <...> оказалась слабее, чем вкус к равенству, льстящий менее благородным»⁵⁹. Двусмысленным стало само название либерализма, потому что «понятие свободы было ослаблено или изуродовано»: «либерал не всегда означал друга свободы»⁶⁰. Но бессильным оказался либерализм и в других сферах – в решении

пыл и поглотила себя, чтобы вернуться к своему принципу, без которого она ничто (*фр.*). Последняя фраза весьма близка леонтьевской концепции «точки насыщения», до которой должно дойти каждое явление, чтобы затем могло начаться нечто новое.

⁵⁶ Leroy-Beaulieu A. Études politiques et religieuses. Les mécomptes du libéralisme // Revue des deux Mondes. 1885. 15 Mai. P. 421–450 [33]. Напомним, что Вл. Соловьев был знаком с этим французским критиком.

⁵⁷ «Молодежь» – ученики Леонтьева из сложившегося вокруг него в Москве в 1884 г. кружка «гептастилистов» (см: Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с. [22]).

⁵⁸ См.: Vogüé E.-M., de. Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // Revue des deux Mondes. 1884. 15 Juil. P. 425 (здесь и далее пер. с фр.)

⁵⁹ Там же. P. 426.

⁶⁰ Там же. P. 427.

национального вопроса, в религиозных вопросах, в экономике. Леруа-Больё предрекал Европе новые революции, если она не сможет примирить демократию и свободу. Неожиданный вывод делается в конце статьи: «Сам триумф демократии делает либерализм более необходимым», потому что иначе демократия «принесла бы нам самый невежественный и жестокий деспотизм, который когда-либо видел мир»⁶¹. И это тоже отчасти перекликается с идеями Леонтьева о социализме как «грядущем рабстве», «феодализме будущего». И, следует отметить, он действительно оказался «предвещателем», значительно опередив современников в своих прогнозах.

По-видимому, из статьи Леруа-Больё Губастов тоже сделал выписку, но она не сохранилась. Леонтьев откликнулся так: «Я очень был тронут ... трудом, который Вы взяли на себя, сделать выписку из Леруа-Больё. – Правду-то он пишет, правду – только уж слишком всё нежно и слабовато он всегда выражается; вот что мне в нем не нравится» [16, с. 104]. Если второй выписки не существовало, могло оказаться, что Леонтьев принял фрагмент из статьи Жане за текст Леруа-Больё. Скорее, все-таки отзыв явно относится к нему, а не к размышлениям Жане о возврате к вере. В более раннем письме Леонтьева к Т.И. Филиппову (от 10–14 февраля 1883 г.) говорится о намерении послать Леруа-Больё статьи по Восточному вопросу (вероятно, речь идет о цикле «Письма о Восточных делах», печатавшемся в «Гражданине») «с анонимным письмом», «пусть гневается»⁶². После этого адрес французского писателя, интересующегося Россией, прислала Леонтьеву О.А. Новикова⁶³, которая, пусть и в меньшей степени, чем Губастов, была для философа еще одним связующим звеном с современной европейской культурой⁶⁴.

Как видим, в переписке Губастова с Леонтьевым обращение к русской литературе почти всегда происходит с оглядкой на европейский контекст. Его интересуют, как лучшие произведения отечественной словесности воспринимаются за рубежом и – даже – успешно ли продаются переводы. Он отмечает случаи идейного родства разноязычных писателей, но затрагивает также и еще одну важную проблему – переводимости/непереводимости художественных текстов. Примером непереводимости послужило для него творчество украинско-русской писательницы, кстати, высоко ценимой и Леонтьевым, – Кохановской (Надежды Степановны Соханской (1823–1884)). Губастов уже нашел переводчицу для одной из лучших ее повестей («Из провинциальной галереи портретов», 1859 г.), но остановился, передумал, поняв, что в переводе произведение «потеряет всю свою прелесть»⁶⁵, а на упрек Леонтьева Вогюэ (за то, что тот «не отыскал»,

⁶¹ См.: Vogüé E.-M., de. Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï. P. 450.

⁶² См.: Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. С. 29.

⁶³ Там же. С. 460.

⁶⁴ О ее взаимоотношениях с Леонтьевым см. подробнее: Фетисенко О.Л. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. № 1. С. 106–117 [34].

⁶⁵ См.: Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 93 об.].

т.е. не открыл для Европы Кохановскую⁶⁶; сам Леонтьев ставил ее выше Тургенева и в уровень Толстого) резонно отвечал:

«...замечу в ответ на Ваш упрек Вогюэ, что он не познакомил европейскую публику с Кохановскою – он положительно не мог бы этого сделать. Вся прелесть Кохановской в удивительной оригинальной форме и в необыкновенной выразительности и оригинальности речи, а потому рассказы ее абсолютно непереводимы, скажу более, их просто даже вслух читать трудно или нужно быть изумительным чтецом, до того неожиданны переходы у нее и оригинально всё строение фразы. Как же при этом условии может передать Вогюэ испытываемое им (и нами) – допустив, что как эстетик он понял и оценил прелесть рассказов Кохановской – наслаждение публике, которая никогда не познакомится с самим произведением восхваляемого автора» [19, л. 94–94 об.].

Все приведенные фрагменты эпистол Губастова как нельзя лучше показывают образованность, начитанность и тонкий вкус русского дипломата. Он действительно был прекрасным собеседником для Леонтьева, а современным читателям и исследователям его письма, с которыми скоро появится возможность познакомиться в полном виде, могут дать новый богатый материал для познания культуры и истории позапрошлого столетия.

Список литературы

1. Леонтьев К.Н. Письма 1888–1890 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 2 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. 990 с.
2. Жуков К.А. Восточный вопрос в историсофской концепции К.Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 227 с.
3. Лукомский В.[К.] К.А. Губастов // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 13.
4. Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / публ. В.Б. Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51.
5. Красюков Р.Г. Константин Аркадьевич Губастов // Из истории Русского генеалогического общества: сб. статей и материалов. СПб.: Изд-во ВИРД, 2001. С. 74–77.
6. Жуков К.А. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в 60-е годы 19 века (по неопубликованным мемуарам К.А. Губастова) // Россия и арабский мир: материалы конф. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 92–93.
7. Соколов А.С. Генеалогия Романовых как феномен эмигрантской историографии // Вестник Государственного университета просвещения. Сер. История и политические науки. 2025. № 1. С. 147–156.
8. Губастов К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / публ. и коммент. Р.Г. Красюкова. СПб.: Нестор-История, 2003. 196 с.
9. Губастов К.А. [Воспоминания] // РО ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 17.
10. Губастов К.А. Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 185–234.
11. Губастов К.А. Письмо А.А. Александрову, 15 марта 1894 г. // РГАЛИ. Ф. 290. Оп. 1. Ед. хр. 120.

⁶⁶ См.: Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. С. 116.

12. Бартенева П.И. Воспоминания / публ. А.Д. Зайцева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ; Рос. архив, 1994. С. 47–105.
13. Ону М.К. Письма К.Н. Леонтьеву // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 198.
14. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1867–1874 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 109.
15. Медоваров М.В. Константин Леонтьев и его наследие в журнале «Русское обозрение» // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4(11). С. 129–141.
16. Леонтьев К.Н. Письма 1883–1887 гг. // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 1 / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2020. 768 с.
17. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11. Кн. 1: Письма 1853–1875 гг. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2018. 856 с.
18. Фетисенко О.Л. «Константинопольский маскаральк» 1876–1877 годов в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 444–459.
19. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1874–1877 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110.
20. Письма К.А. Губастова к Б.В. Никольскому (1898, 1908–1911) / публ. О.Л. Фетисенко // Христианство и русская литература / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб.: Наука, 2012. Сб. 7. С. 444–459.
21. Никольский Б.В. Дневник: в 2 т. Т. 2: 1904–1918 / изд. подгот. Д.Н. Шилов и Ю.А. Кузьмин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 652 с.
22. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2012. 784 с.
23. Фетисенко О.Л. К истории сборника «Памяти Константина Николаевича Леонтьева» (1911): несостоявшиеся авторы // Два века русской классики. 2024. № 1. С. 194–209.
24. Фетисенко О.Л. Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 97–146.
25. Фетисенко О.Л. «Нужно только выждать время»: К.Н. Леонтьев и Э.-М. де Вогиоэ // Русская литература. 2021. № 2. С. 87–92.
26. Губастов К.А. Письма К.Н. Леонтьеву, 1887–1891 гг. // ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 112.
27. Vogüé E.-M., de. Les Écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï // Revue des deux Mondes. 1884. 15 Juil. P. 264–301.
28. [Семевский М.И.] Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в Санкт-Петербурге 4-го марта 1880 г. // Русская старина. 1883. Т. XL. Окт. С. 210–211.
29. Из портфеля старого журналиста. Письма И.И. Лажечникова к Ф.А. Кони / сообщ. А.Ф. Кони // Русский архив. 1912. Кн. 9. С. 141–151.
30. Shuré E. L'oeuvre de Schelley, poète Panthéiste de l'Angleterre // Revue des deux Mondes. 15 Févr. P. 745–779.
31. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Изд. 2-е, испр. и доп. Соч.: в 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982. 578 с.
32. Janet P. Le Testament d'un philosophe: M. Vacherot et le nouveau spiritualisme // Revue des deux Mondes. 1885. 1 Juin. P. 550–583.
33. Leroi-Beaulieu A. Études politiques et religieuses. Les mécomptes du libéralisme // Revue des deux Mondes. 1885. 15 Mai. P. 421–450.
34. Фетисенко О.Л. Ольга Алексеевна Новикова как собеседница И.С. Аксакова и К.Н. Леонтьева // Философский полилог. 2023. № 1. С. 106–117.

References

(Sources)

Collected Works

1. Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 11, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 11, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 856 p.

2. Leont'ev, K.N. Pis'ma 1883–1887 gg. [Letters of 1883–1887], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 12, kn. 1* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 12, book 1]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2020. 768 p.

3. Leont'ev, K.N. Pis'ma 1888–1890 gg. [Letters of 1888–1890], in Leont'ev, K.N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 12 t., t. 12, kn. 2* [Complete works and letters in 12 vols., vol. 12, book 2]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2020. 990 p.

4. Turgenev, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 t.* [Complete works and letters in 30 vols.], in *Sochineniya v 12 t., t. 9* [Works in 12 vols., vol. 9]. Moscow: Nauka, 1982. 578 p.

Individual Works

5. Gubastov, K.A. *Genealogicheskie svedeniya o russkikh dvoryanskikh rodakh, proisshedshikh ot vnebrachnykh soyuzov* [Genealogical information about Russian noble families that originated from extramarital relations]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2003. 196 p.

6. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. 1867–1874 gg. [Letters to K.N. Leontiev. 1867–1874], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 109.

7. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. 1874–1877 gg. [Letters to K.N. Leontiev 1874–1877], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 110.

8. Gubastov, K.A. Pis'ma K.N. Leont'evu. 1887–1891 gg. [Letters to K.N. Leontiev], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 112.

9. Gubastov, K.A. Pismo A.A. Aleksandrovu, 15 marta 1894 g. [Letter to A.A. Aleksandrov. March 15, 1894], in *Russian state archive of the art and literature*. Collection 290, inventory 1, document 120.

10. Gubastov, K.A. Vospominaniya [Memoires], in *Institute of Russian literature* (Pushkinsky Dom). Collection 212, document 17.

11. Nikol'skiy, B.V. *Dnevnik v 2 t., t. 2: 1904–1918* [Diary in 2 vols., vol. 2]. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2015. 652 p.

12. Onu, M.K. Pisma K.N. Leont'evu [Letters to K.N. Leontiev], in *State Museum of the history of Russian literature*. Collection 196, inventory 1, document 198.

(Articles from Scientific Journals)

13. Fetisenko, O.L. K istorii sbornika «Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva» (1911): nesostoyavshiesya avtory [On the history of the collection “In memory of K.N. Leontiev” (1911): failed authors], in *Dva veka russkoy klassiki*, 2024, no. 1, pp. 194–209.

14. Fetisenko, O.L. «Konstantinopol'skiy maskaralyk» 1876–1877 godov v pis'makh i vospominaniyakh K.A. Gubastova [“Constantinople Maskaralyk” in the letters and memoires by K.A. Gubastov], in *Tetrady po konservatizmu*, 2020, no. 3, pp. 444–459.

15. Fetisenko, O.L. «Nuzhno tol'ko vyzhdet' vremya»: K.N. Leont'ev i E.-M. de Vogye [“We need to let the time take its course”: K.N. Leontiev and E.-M. de Vogüé], in *Russkaya literatura*, 2021, no. 2, pp. 87–92.

16. Fetisenko, O.L. Ol'ga Alekseevna Novikova kak sobesednitsa I.S. Aksakova i K.N. Leont'eva [Olga Alekseevna Novikova as an interlocutor of I.S. Aksakov and K.N. Leontiev], in *Filosofskiy polilog*, 2023, no. 1, pp. 106–117.

17. Janet, P. Le Testament d'un philosophe: M. Vacherot et le nouveau spiritualisme, in *Revue des deux Mondes*, 1885, 1 Juin, pp. 550–583.

18. Khlebnikova, V.B. (ed.) Rossiyskiy diplomat K.A. Gubastov i ego sluzhebnyaya zapiska «Chernogoriya. 1860–1900 gg.» [Russian diplomat K.A. Gubastov and his memo “Montenegro. 1860–1900”], in *Slavyanovedenie*, 1997, no. 5, pp. 35–51.

19. [Koni, A.F. (ed.)] Iz portfelya starogo zhurnalista. Pis'ma I.I. Lazhechnikova k F.A. Koni [From the portfolio of the old journalist. Letters from I.I. Lazhechnikov to F.A. Koni], in *Russkiy arkhiv*, 1912, book 9, pp. 141–151.

20. Leroi-Beaulieu, A. Études politiques et religieuses. Les mécomptes du libéralisme, in *Revue des deux Mondes*, 1885, 15 Mai, pp. 421–450.

21. Lukomskiy, V.[K.] K.A. Gubastov, in *Vestnik literatury*, 1919, no. 5, p. 13.
22. Medovarov, M.V. Konstantin Leont'ev i ego nasledie v zhurnale «Russkoe obozrenie» [Konstantin Leontiev and his heritage in the journal “Russian Review”], in *Russko-Vizantiyskiy vestnik*, 2022, no. 4(11), pp. 129–141.
23. [Semevskiy, M.I.] Ivan Sergeevich Turgenev na vecherney besede v S.-Peterburge 4-go marta 1880 g. [Ivan Sergeevich Turgenev at an evening conversation in St. Petersburg on 4 March 1880], in *Russkaya starina*, 1883, vol. XL, octobre, pp. 210–211.
24. Shuré, E. L'oeuvre de Schelley, poète Panthéiste de l'Angleterre, in *Revue des deux Mondes*, 15 Févr., 1876, pp. 745–779.
25. Sokolov, A.S. Genealogiya Romanovykh kak fenomen emigrantskoy istoriografii [Romanov Genealogy as a Phenomenon of Emigrant Historiography], in *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya History and Politic Sciences*, 2025, no. 1, pp. 147–156.
26. Vogüé, E.-M., de. Les écrivains russes contemporains. Le comte Léon Tolstoï, in *Revue des deux Mondes*, 1884, 15 Juil, pp. 264–301.

(Proceeding and Collections Researcher Papers)

27. Bartenev, P. I. Vospominaniya [Memoires], in *Rossiyskiy arkhiv. Al'manakh* [Russian archive. Almanac]. Moscow: Studiya TRITE; Rossiyskiy Arkhiv, 1994, pp. 47–105.
28. Fetisenko, O.L. Epizody iz zhizni konsula (K.N. Leont'ev i M.A. Khitrovo) [Episodes from the consul's life (K.N. Leontiev and M.A. Khitrovo)], in *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god* [Yearbook of the Manuscript Department of Pushkin House for 2013]. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2014, pp. 97–146.
29. [Fetisenko, O.L. (ed.)] Pis'ma K.A. Gubastova k B.V. Nikol'skomu (1898, 1908–1911) [Letters from K.A. Gubastov to B.V. Nikol'skiy], in *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Saint-Petersburg: Nauka, 2012, vol. 7, pp. 444–459.
30. Gubastov, K.A. Iz lichnykh vospominaniy o K.N. Leont'eva [From personal memoirs about K.N. Leontiev], in *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. Literaturnyy sbornik* [In memory of K.N. Leontiev. Literary collection]. Saint-Petersburg: Tipografiya «Sirius», 1911, pp. 185–234.
31. Krasnyukov, R.G. Konstantin Arkad'yevich Gubastov, in *Sbornik statey i materialov «Iz istorii Russkogo genealogicheskogo obshchestva»* [Collection of Articles and Materials “From the History of Russian Genealogical Society”]. Saint-Petersburg: VIRD, 2001, pp. 74–77.
32. Zhukov, K.A. Uchebnoe otdelenie vostochnykh yazykov pri Aziatskom departamente Ministerstva inostrannykh del v 60-e gody 19 veka (po neopublikovannym memuarom K.A. Gubastova) [The Department of Oriental Languages Studies at the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs in the 1860s (based on unpublished memoirs by K.A. Gubastov)], in *Materialy konferentsii «Rossiya i arabskiy mir»* [Proceedings of the conference “Russia and Arabian world”]. Saint-Petersburg: SPbGU, 2010, pp. 92–93.

(Monographs)

33. Fetisenko, O.L. «Geptastilisty»: Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki [“Heptastylists”: Konstantin Leontiev, his interlocutors and disciples]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2012. 784 p.
34. Zhukov, K.A. *Vostochnyy vopros v istoriosofskoy kontseptsii K.N. Leont'eva* [The Eastern question in the historiosophical concept of K.N. Leontiev]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2006. 227 p.